

Деку... Бакуго не может не стискивать зубы в отчаянии от одного упоминания или мысли об этом зеленоволосом ботанике.

Деку также постоянно следил за ним, как и некоторые из его одноклассников — с тех самых пор, как они были маленькими детьми. Деку тоже вываливал кучи похвалы и обожания из-за силы его причуды, как и все остальные.

Но Деку забывает свое место сзади; место, где все остальные довольны остаться, чтобы только посмотреть, как Бакуго приближается к своей цели и становится героем. Он же всегда должен заходить слишком далеко.

Зачем? Почему он никак не откажется от своей нелепой мечты стать героем?!

Деку не нравится просто сидеть сложа руки, как всем остальным камешкам, и лицезреть, как он становится величайшим про-героем; нет, ему даже не нужно больше оглядываться назад, чтобы сказать — он просто знает, что с каждым шагом, который он делает, Деку идет прямо позади него, практически наступая на пятки со своей долбаной настырностью.

Он мог бы уважать Деку за это... Если бы у него была полезная способность, чтобы оправдать сохранение такой возвышенной мечты. Или, если бы у него была какой-нибудь причуда вообще! Вот почему Деку так драконил его! Как мог беспричудный неудачник просто достичь этого? Как мог бесполезный Деку продолжать думать, что у него есть все, что нужно, чтобы стать героем?!

Бакуго воспринимал каждое геройское высказывание от беспричудного Деку как личное оскорбление.

Почему? Он действительно настолько глупый? Бакуго практически извергался гневом, уже просто зная, что оценки Деку были почти такими же высокими, как у него. Все это время Деку смотрел на него свысока? Была ли во всех этих хвалебных дифирамбах какая-то скрытая злоба или сарказм?! Он... Издевается над ним?

Чем больше он думал о загадке, которую представлял из себя Деку, тем больше он пытался понять его. Чем больше он пытался, тем злее он становился. И чем злее он становился, тем решительнее он старался растоптать эту старую нелепую мечту, с которой Деку сдувает пылинки и так бережно хранит в своем сердце.

Для Бакуго в этом не было никаких издевательств. И никто другой, будь то ученик или учитель, тоже не видел, также, как и никто не пытался его остановить. Уже почти десять лет Бакуго изо всех сил пытался поставить беспричудного Деку на свое место. В течение десяти лет он пытался заставить Деку мечтать о чем-то более реалистичном. В течение десяти лет он использовал любую возможную возможность, чтобы отбросить Деку в сторону, как как камень

с дороги, которым он был.

До того дня, когда он почувствовал... Что зашел слишком далеко.

— Дай мне книгу, Деку! — зарычал блондин, сжимая кулаки и готовясь ударить, после того как проклятый Деку отдаст ему эту проклятую книгу.

— К-Каччан! — протестовал Деку, пропищав это детское прозвище и отступая. — Мне нужно вернуть это!

— Что тебе действительно нужно, так это любезно отдать книгу мне! — кипел в гневе Кацуки из-за продолжающегося неповиновения Деку.

— Каччан!—

И когда Мидория соскользнул с края оврага, весь гнев сошел на нет с лица Бакуго, оставив на нем лишь ошеломление.

— О, черт! О, черт! — один из его подхалимов — тот, у которого была причуда гигантских пальцев, — закричал тот в панике, бросаясь к самому краю, но останавливаясь, как только он увидел, что Мидорию унесло в бешеные волны.

— Бакуго! — закричал тот, поворачиваясь к главному из них. — Что же нам теперь делать?!

— Он упал с обрыва!...

— Мидория упал!

Среди всех приглушенных голосов беспокойных детей, которые выглядели так, будто они просто хотели сбежать с места преступления, Бакуго будто... Остолбенел. В ужасе. Переполненный мыслями.

Какого... — подумал он, уставившись в ущелье в тишине.

Этого не должно было случиться. Привести Деку сюда и побудить его исследовать особняк с привидениями было чтобы напугал его! Это был просто еще один способ поставить его на место! Он не должен был!... Кацуки не хотел...

— Молодой человек! — прогремел басистый голос сквозь панические шепотки.

Бакуго повернул голову к внезапному гостю. Его шайка пристально смотрела на мужчину, объявившего о своем присутствии: джентльмен в синей одежде; красный плащ, развевающийся на ветру; скрещенные руки, белые виски, зачесанные волосы, ох, и он парил. Про-герой, быть может? Однако Кацуки ни разу такого не видел...

— Книга, которая была украдена из моего особняка. — строго сказал он. — Где она сейчас?

Его особняк?! Бакуго осознал, что не сможет без труда сформулировать ответ. Не после того, как Деку смело с лица земли, а затем объявился парящий человек, претендующий на владение этим жалким зданием. Он решил поднять дрожащую руку и показать на реку, но Гигантские Пальцы перебил его.

— У Мидории была книга! Но он упал в овраг с ней!

Джентльмен едва ли дослушал, устремившись вниз вдоль оврага за зеленоволосым, а его плащ под яростным порывом ветра трепещал сзади, когда он низко висел над линией воды. Причуда полета, предполагал Кацуки. Ничего необычного, но и неплохо.

Когда мужчина улетел, большая часть банды Бакуго уже давно смылась из леса, подальше от ущелья. Только Кацуки и Гигантские Пальцы — подходящее прозвище, на взгляд Бакуго, — не спешили уходить. По мнению блондина, это было главным образом потому, что он все еще был в шоке от возможности того, что Деку вполне может умереть из-за него. Что касается второго, то он был ошеломлен шоком Бакуго еще с самого начала.

Н-Нет, не из-за меня. — поспешно подумал Бакуго. — Если бы Деку просто остался на своем месте, как он должен был, ничего этого бы не случилось!

К тому времени, когда он и Гигантские Пальцы вернулись полностью промокшие, но в остальном тихие, на территорию парка, примыкающего к лесу, машина скорой помощи уже была там, загружая перевязанное тело Деку в салон.

Бакуго и Гигантские Пальцы тяжело выдохнули с облегчением. Выглядело так, как будто Деку, хотя определенно побитый и истощенный до предела, все еще оставался жив.

Там же был и тот мужчина в синей одежде, перекинувшийся парой слов с несколькими парамедиками, прежде чем те уехали. Когда машина скрылась, мужчина повернулся к Бакуго, выглядя так, словно хотел подойти и поговорить с ним, но сдерживался. Поэтому, он отвернулся, ушел в ближайшие кусты и исчез.

С глаз долой — из сердца вон, как говорится, потому что Бакуго не обращал на незнакомца ни малейшего внимания. Все, о чем он мог думать, было то, что Деку был жив.

Э-это хорошо. — отчаянно защищался разум Бакуго, пытаясь найти плюсы в ситуации. —

Может быть, теперь Деку откажется от своей дерьмовой мечты и навсегда останется на своем месте!

Он даже не слышал, как Гигантские Пальцы прощается и не замечает его игнорирования. Он почти не мог вспомнить, как его собственные две ноги пришли домой к невообразимо взволнованному отцу и чрезмерно взбешенной матери.

— В конце концов, это не моя вина. — неоднократно повторял себе Бакуго, пока слова не превратились в новую мантру. — Это была не моя вина...

— Мне жаль, что все были так взволнованы из-за меня!

Мидория глубоко склонил голову перед одноклассниками в первый же день его возвращения после инцидента, вызвав раздражение Бакуго. Казалось, что его робкая личность не изменилась ни в малейшей степени за время его отсутствия.

— Я получил все ваши открытки, пока был в больнице, — на его лице мелькнула более слабая улыбка, по сравнению с приветствием, — чуть более нерешительная, — когда он еще раз поклонился — Я очень ценю это!

Глаза Бакуго опустились на руки мальчика, когда он подходил к каждому столу на пути к своему, останавливаясь, чтобы поблагодарить каждого ученика, мимо которого он прошел. Они были в перчатках. И они тряслись.

Это, безусловно, пробудило любопытство Бакуго. Разве, черт возьми, этот неудачник когда-то до этого носил перчатки? Конечно же нет, конечно же не до... Инцидента...

Бакуго мог бы поклясться, что его сердце упало камнем в тот самый момент.

Он никогда не полагался на интуицию; его неизменно высокие оценки были более чем достаточным доказательством этого. Но, что-то подсказывало Бакуго: что бы ни случилось с Деку в тот день, когда он был сметен рекой, он не выбрался оттуда невредимым.

— Каччан... — голос Деку оторвал его от размышлений.

— А? — Бакуго сердито посмотрел на мальчика, застенчиво стоявшего у стола. — Что, блять, ты хочешь?

— Я просто хотел поблагодарить тебя за твою карточку, — сказал Деку с этой чертовски

дружелюбной улыбкой. — Она мне понравилась. Я думаю, что эта — лучшая из всех.

— Конечно же она была лучшей! — огрызнулся Кацуки. — Ты не думал, что она будет лучшей?! За кого ты меня, блять, держишь?

— Нет, нет! Это не так...

— Не пойми неправильно, Деку! — сказал блондин, с широко раскрытыми глазами и безумной усмешкой. — Я сделал это только потому, что учитель заставил нас всех! И я приложил дополнительные усилия, потому что моя проклятая мать была занозой в заднице! Понятно?!

— Конечно, конечно! — робко ответил Деку и поспешил мимо Бакуго, чтобы сесть на свое место, когда их учитель восстановил видимость порядка и продолжил обучение.

А Кацуки, наконец, удалось сосредоточиться на чем-то ином: например, на школьной работе, хоть эмоции и поведение Деку и терзали его мозг, как зуд на коже, который хотелось расчесать. Ему удалось оттолкнуть эти мысли и игнорировать их урок за уроком, предмет за предметом, и затем во время обеда, пока эта концентрация снова не была неизбежно прервана.

— Мидория. — их учитель позвал мальчика на последнем уроке перед окончанием дня. — Почему ты не делаешь записи?

Блондин сместил взгляд в сторону, достаточно, чтобы мельком увидеть парня за его столом, хмуро дивясь, почему этот неудачник перевел свое внимание на такую деталь прямо перед тем, как учебный день был почти завершен.

Он чуть не уронил карандаш, как и Деку... Который неуверенно попытался поднять его, все еще держав руки в перчатках. Деку повторил это еще несколько раз, отвечая своему учителю слабой улыбкой.

— Извините, сэр, сейчас немного сложно...

Бакуго снова повернулся к учителю. Взгляд осознания, сопровождаемый выражением жалости, отразился на лице мужчины.

— Хорошо, хорошо. — сказал он. — Тогда мы обсудим это после занятий.

Так они и сделали. Стоило последним ученикам выйти из комнаты, Деку остался, чтобы поговорить с учителем. Кацуки скрывался прямо за дверью. Ему было любопытно до чертиков, но, конечно же, он был не настолько тупой, чтобы проникнуть внутрь класса и сделать очевидным тот факт, что он подслушивал, ради того, чтобы услышать вещи более ясно. Знакомое бормотание вполне можно было услышать и отсюда.

После нескольких минут иссякающего терпения, от темы к теме, состоящих из бессвязных предложений, Бакуго был сыт по горло этим идиотизмом и решил рискнуть заглянуть в комнату. Всего-то одним глазком, верно? Только вот, стоило ему наклонить лицо к окну в двери, как он чуть не вздрогнул, видя, как Деку показывает свои дрожащие ладони в перчатках учителю.

К ужасу Бакуго (хотя он никогда не признался бы в этом), они были покрыты шрамами абсолютно везде.

Деку поклонился взрослому перед тем, как его отпустили, и повернулся к двери, за которой Бакуго метнулся вглубь коридора, пока его не заметили.

— Эй, — было всем, что сказал Кацуки, когда Мидория открыл и закрыл за собой раздвижную дверь, застигнув зеленоволосого мальчика врасплох, так как они были единственными в этом коридоре на данный момент.

— Каччан!

Тот еще не успел надеть перчатки и в следующую же секунду встрепенулся за тем, чтобы снова натянуть их, но Бакуго был слишком быстр для него, крепко схватив Деку за запястья и заставив его поднять руки, чтобы он увидел шрамы и бугристую кожу.

— Черт возьми, Деку... — проговорил Бакуго, когда Деку неловко поежился.

— Каччан, пожалуйста...

— Не удивительно, что ты не мог делать заметки раньше. — продолжал блондин, направляя взгляд прямо на парня напротив. — Я должен был знать, что ты не выберешься из этой реки без последствий, бесполезный ботаник.

Деку замолчал, пока Бакуго медленно опустил глаза в пол.

Кацуки удивленно моргнул: неужели он наконец сдастся, после всего этого времени? Деку, наконец, узнал свое место после потери использования в его руках?

— Теперь ты понимаешь, Деку?... — эхом разнесся грубый голос, пока он крепче сжал запястья и продолжал. — Ты все еще думаешь, что можешь быть героем даже без рук?

— Да. — дерзко произнес Деку в ответ, вырывая ладони из хватки Бакуго, с внезапно обретенной силой, которая застала его врасплох. — Даже если мои руки никогда полностью не восстановятся, я не сдамся.

Обычно это была та часть, где Бакуго сердито подрывал парня, вываливая на него гору унижений и физического запугивания. Но ничего подобного не произошло; было просто удивленное молчание Бакуго.

— Я ценю твою заботу, Каччан. — сказал Деку, прежде чем обратиться к нему с широкой улыбкой — с той, которая казалась более реальной и честной, чем любая другая, которую он когда-либо давал ему или другим. — Но я не позволю этому помешать мне стать героем!

Это была не моя вина. — мантра Бакуго внезапно зазвучала в его голове, и он неожиданно осознал, почему поведение Деку было ему так неприятно и раздражало его нервы больше, чем обычно, а эта чертова яркая улыбка сделала его проблему очевидной и подавно.

Деку отвернулся и быстро ушел, не сказав ни слова, оставив Бакуго тушеваться на месте, с безмолвным осознанием, что Деку не испытывал никакой злости по отношению к тому, что произошло.

Почему ты не сдаешься? — снова и снова спрашивал себя Кацуки, когда в его груди нарастало чувство вины, словно из жерла вулкана поднимались неравномерные точки вибрации, заставляющие лаву извергаться на поверхности.

И только в глубине его подсознания бесконечно вертелся вопрос, который был для него гораздо более проблематичным.

Почему ты не сердишься на меня?

Если Бакуго и ожидает ответа на эти вопросы в ближайшее время, то он неизбежно будет разочарован. Дни превратились в недели, затем, недели превратились в месяцы, а он все продолжал мириться со своей виной и разочарованием — виной за то, что случилось с Деку, и разочарованием по поводу того факта, что он, блять, не сдается!

Но его чувства не ослепляли его, к несчастью для Деку. Во всяком случае, наоборот — это последнее заявление только заставило Бакуго еще больше наблюдать за ним.

Уже на следующий день после их первой стычки, Деку начал брать с собой на урок диктофон, и его проблема неспособности записывать конспекты больше никогда не поднималась снова.

Но, даже несмотря на это, Бакуго не мог не заметить странного слияния между решимостью и разочарованием, которое отражал зеленоволосый через несколько недель после своего заявления. На уроке Бакуго украдкой бросал быстрые взгляды и замечал нехарактерное поведение для Деку: стиснутые зубы, нахмурившиеся брови, злобные, огорченные взгляды направленные в никуда, когда он делал классную работу. Он казался действительно

расстроенным, но всякий раз, когда к нему приближался кто-либо, или наоборот, он инициировал разговор, его глупая улыбочка выглядела искренней и реальной.

Кацуки должен был сопротивляться желанию стискивать волос и вопить, когда он пытался вдумчиво выполнить собственные задания для разнообразия, не думая о гребанном Деку. Почему этого проклятого ботаника так трудно понять?!

Наблюдение за тем, как Деку переключается между разочарованием в одно мгновение и решимостью в следующее, не давало Бакуго почувствовать себя лучше в отношении его роли в этой ситуации — во всяком случае, от этого он ощущал себя еще более виноватым. Более уязвимым.

И Кацуки Бакуго ненавидел чувствовать себя уязвимым больше всего на свете.

Он был не самым лучшим, когда дело доходило до межличностных отношений и чувств (грузы, как он это называл), которые всегда сопровождали их. Блондин был переполнен желанием и упрямостью подавить это ощущение уязвимости, прежде чем кто-либо, особенно беспричудный Деку, мог бы разглядеть ее проявление.

Поначалу он был относительно успешным в этой задаче, выпуская все свое раздражение во время физических нагрузок, будь то занятия в школьном спортзале или удары по боксерской груше дома.

Но, поскольку беспокойство Деку, казалось, росло с каждым днем — по причинам, которые Бакуго не мог точно определить, так как он был уверен, что это не что-то связанное со школой, — то же самое происходило и с Бакуго.

Именно тогда блондин, взбешенный до предела и в конец потерявший терпение, решил, что ему придется попробовать что-то, чего он надеялся избежать, если бы он хотел соответствующим образом справиться с этим чувством незащитности.

Ему придется вернуться на место преступления.

Бакуго не знал, чего ожидать или чувствовать, когда он вернулся к краю оврага, высохшему и потрескавшемуся от сухости, рядом с тем, что когда-то было бушующей рекой. Теперь это место превратилось обратно в относительно спокойный журчащий поток воды. Он не знал, чего ожидать или чувствовать, вернувшись в так называемый «особняк с привидениями», куда он заставил Деку проникнуть, что привело к речному инциденту.

Но он никогда не мог ожидать, что Изуку вытащит из разрушенного особняка волна воды и тот рухнет на мшистую землю. А затем, таинственный человек, облаченный в тунику и плащ,

подплыл к нему, чтобы проверить его.

Что, черт возьми, творится, Деку?!

Почему, блять, Деку вылетел из особняка на волне воды? Какого черта Деку вообще вернулся в особняк? Почему старый мужик, который спас его, сейчас с ним?! Но, что более важно...

Почему ты смеешься? — внутренне кипел Бакуго. Как Деку мог смеяться в его состоянии? Он докопается до этого прямо сейчас, несмотря ни на что!

— ОИ! ДЕКУ! — взревел Кацуки, выскочив из-за искривленного дерева, за которым он находился. — Что, черт возьми, происходит здесь?!

— Каччан?! — сбитый с толку, мокрый Деку быстро вскочил на ноги, когда он подошел с сердитым хмурым взглядом.

Джентльмен в синей одежде тоже поднялся и, выглядя искренне удивленным возникновением другого мальчика - но ничего не сказал, лишь наблюдая.

— Ч-что ты здесь делаешь?

— Не отвечай на мой вопрос другим вопросом, проклятый ботаник! Ответь сам! — он обвинительно ткнул пальцем в лицо Деку. — Что, черт возьми, здесь происходит?!

— Я просто... — запинался Мидория, глядя поочередно на Бакуго и мужчину, а затем уставившись на землю, словно поруганный щенок, пойманный на порчи мебели.

— Ты просто, что? — взревел блондин, протягивая руку, чтобы схватить того за плечо, когда вмешался старик, оттягивая Деку назад.

— Он был как раз в середине своей тренировки. — холодно ответил мужчина, вызывая изумленные взгляды как у самого Бакуго, так и у Деку.

— Тренировка?... — слово пронеслось по разуму Бакуго, словно заразная инфекция. Его брови нахмурились, а губы скривились в подобие насмешки. — Какой вид тренировки?

— Тренировка, которая может помочь ему стать героем, конечно же. — неизменным ледяным тоном ответил мужчина со странным, и не поддающимся расшифровке, блеском в глазах.

— Ты, должно быть, блять, шутишь... — прошипел парень, гневно сжимая свои трясущиеся руки в кулаки достаточно сильно, чтобы подавить любые взрывные искры, которые могли

возникнуть. — Тренировка? Значит, он может стать героем? Ты хоть знаешь, что он беспричудный?!

— Я прекрасно осведомлен. — продолжительная безэмоциональность такого тона приводила Бакуго в бешенство до бесконечности, как будто бы ему говорили: «Да, кого это волнует?»

— Тогда... Почему?! — взвыл он, и в течение доли секунды Кацуки не мог решить, спрашивал ли он человека или Деку. Он выбрал первое. — Зачем... Тратить свое время на обучение беспричудного неудачника?

Взгляд этого человека на мгновение стал особо пристальным, и Бакуго не хватило смелости отрицать, что он выглядел совершенно пугающим в такой короткой вспышке эмоций.

— Наоборот. — сказал он. — Я чувствую, что мои усилия были не напрасны сильнее, чем когда-либо прежде.

— Ох, да? — Бакуго решил копнуть немного глубже. — И как долго ты тренируешь этого ботаника?

— С тех пор, как он пережил инцидент. — произнес мужчина, как само собой разумеющееся.

Тч. — это был расплывчатый ответ, но Бакуго знал, что он не мог вытрясти из этого человека ответы также, как из Деку или кого-либо другого.

— И чему именно ты его тренировал?

— Соответствующим навыкам из-за его беспричудности.

Это не говорит мне ни черта!

— Просто... Кто ты, черт возьми?

— Меня зовут Доктор Стивен Стрэндж...

— Никогда о тебе не слышал. — отрезал Бакуго.

Это определенно заставило его почувствовать себя немного лучше — знание, что Деку пытается тренироваться с героем, о котором он даже не слышал. Он не был фанатом героев, каким был Деку, но он все еще знал громкие имена, часто фигурирующие в СМИ. Он знал о лучших из лучших, и он, блять, вообще не мог вспомнить ни одного «Доктора Стивена Стрэнджа» где-нибудь на высоких позициях рейтингов героев. Это значило, что этот мужчина

был либо каким-то новым, перспективным героем, который какое-то время был отдален от внимания общественности, либо...

Он определенно бывший про-герой.

В один момент он испытал невероятную злость, потому что именно Деку додумался нанять геройского частного дерьмо-репетитора, на порядок выше других по уровню; а уже в другой он почувствовал некоторое облегчение. Ничего не изменилось; он чувствовал некоторую убежденность в том, что Деку не приблизится к своей нелепой мечте, тренируясь с бесполезным героем.

Но, все же... Это грызущее сомнение возникло опять. Раздражает, что беспричинный Деку по-прежнему так настойчив: настолько, что он уговорил про-героя, каким бы опытным он ни был, поддержать его нереальную цель.

— Ты думаешь, это что-то меняет, Деку? — Бакуго направил свои эмоции на сжавшегося мальчика. — Ты думаешь, что это дает тебе право бросить мне вызов?

— Н-нет, Каччан...

— Просто отлично! — выплюнул он тут же. — Скоро ты увидишь, что твоей беспричинной тушке не помогут никакие тренировки! Любое количество таких тупых занятий, как гребанные водяные горки, никогда не сделает тебя героем!

— И в отличие от тебя, — продолжал Кацуки, поворачиваясь спиной к ученику с учителем, направляясь домой. — Я не буду унижать себя, ползая перед каким-то героем-ловкачом на коленях, чтобы мне помогли.

Если Бакуго и убедил себя, что он оставил последнее слово в диалоге, то он не чувствовал, что выиграл, и это только бесило его больше. Этот доктор Стрэндж давал расплывчатые ответы на все его вопросы; и он ненавидел, когда люди отвечали технически правдивыми ответами, но на самом деле просто пытались скрыть желаемую информацию.

Неважно. — бурчал себе под нос Бакуго. — Деку всегда будет Деку: просто еще одна галька на моем пути.

У Стрэнджа на лице было будто выгравировано постоянное недовольство, когда он наблюдал, как белокурый парень с грязным языком топает обратно туда, откуда он пришел.

Это было довольно близко, — подумал Стрэндж, когда Изуку суетился рядом с ним. — С этого

момента мы будем более осторожны, позволяя тренировкам уходить за пределы Святилища. — что, на самом деле, было небольшим упущением с его стороны.

— Изуку. — позвал Стрэндж своему ученику.

— Д-да, Сэнсэй? — ответил ему тот.

— Я собирался сказать это прямо перед твоим вступительным экзаменом, потому что я предполагал, что это может стать проблемой, и не ожидал, что это скоро обнаружат, — сказал Стрэндж. — Но я должен попросить тебя не разглашать магическую природу твоего обучения кому-либо за пределами твоего близкого круга общения. Пожалуйста, не забудь передать это сообщение своей матери, когда ты вернешься домой.

— Вы волнуетесь, что Каччан расскажет всем о том, что я тренируюсь? — спросил Изуку. — Просто он... Он не скажет.

— Кажется, ты в этом уверен. — решил удостовериться Стрэндж, поднимая бровь.

— Это... Просто он такой, какой есть. — вздохнул Изуку. — Он не будет говорить никому. Кроме того, я... Доверяю ему.

— Это не столько вопрос доверия, — ответил Стрэндж. — Сколько необходимость. И говоря о необходимости...

Стрэндж сделал быстрое движение руками, и знакомая карта появилась между его пальцами.

— Это же... — начал Изуку, когда колдун протянул ему визитку.

— Еще одна моя визитная карточка, да. — подтвердил Стрэндж. — Точно такая же, как та, которую я дал твоей маме. Ты помнишь, как отправить мне сообщение или твое местоположение, верно?

— Хорошо. — продолжил Стрэндж, получив кивок от Изуку. — Я думаю, тебе необходимо иметь одну такую, на всякий случай... Я ведь учил тебя ожидать неожиданностей, не так ли? Причем на практике!

— И еще одна вещь, Изуку. — сказал Стрэндж, привлекая внимание своего ученика. — Я хочу, чтобы ты пока воздерживался от общения с этим мальчиком. Я не буду вмешиваться в историю между вами двумя, но лучше пока что отложить эти сложности, чтобы больше сосредоточиться на предстоящей тренировке, ясно?

— Понял, Сэнсэй, — ответил Изуку, еще раз кивнув.

Стрэндж был прав, в конце концов. Историю между ним и Каччаном действительно можно было бы описать только как сложную, но это не принесло бы ему никакой пользы, если бы он позволил этим проблемам помешать его обучению. Он знает, что Каччан не допустит, чтобы его тренировкам мешало что-то такое деликатное, как эмоции, и он постарается сделать то же самое!

Поэтому, Изуку прислушался к совету своего Учителя и сделал все возможное, чтобы ограничить взаимодействие с Бакуго, продолжая обучение до следующего школьного семестра. Бакуго также ограничил время, которое он уделял Изуку, а издевательства и унижения всего класса медленно, но верно тоже утихли, будто остальные его одноклассники ощущали, что Бакуго больше не направляет большую часть своего раздражения в сторону Изуку.

Какое-то время в средней школе Альдера, казалось, наступил мир, поскольку неофициальное перемирие между Бакуго и Мидорией вступило в полную силу.

И этот мир длился примерно четыре месяца, прежде чем напал некий грязевой злодей.

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1427657>